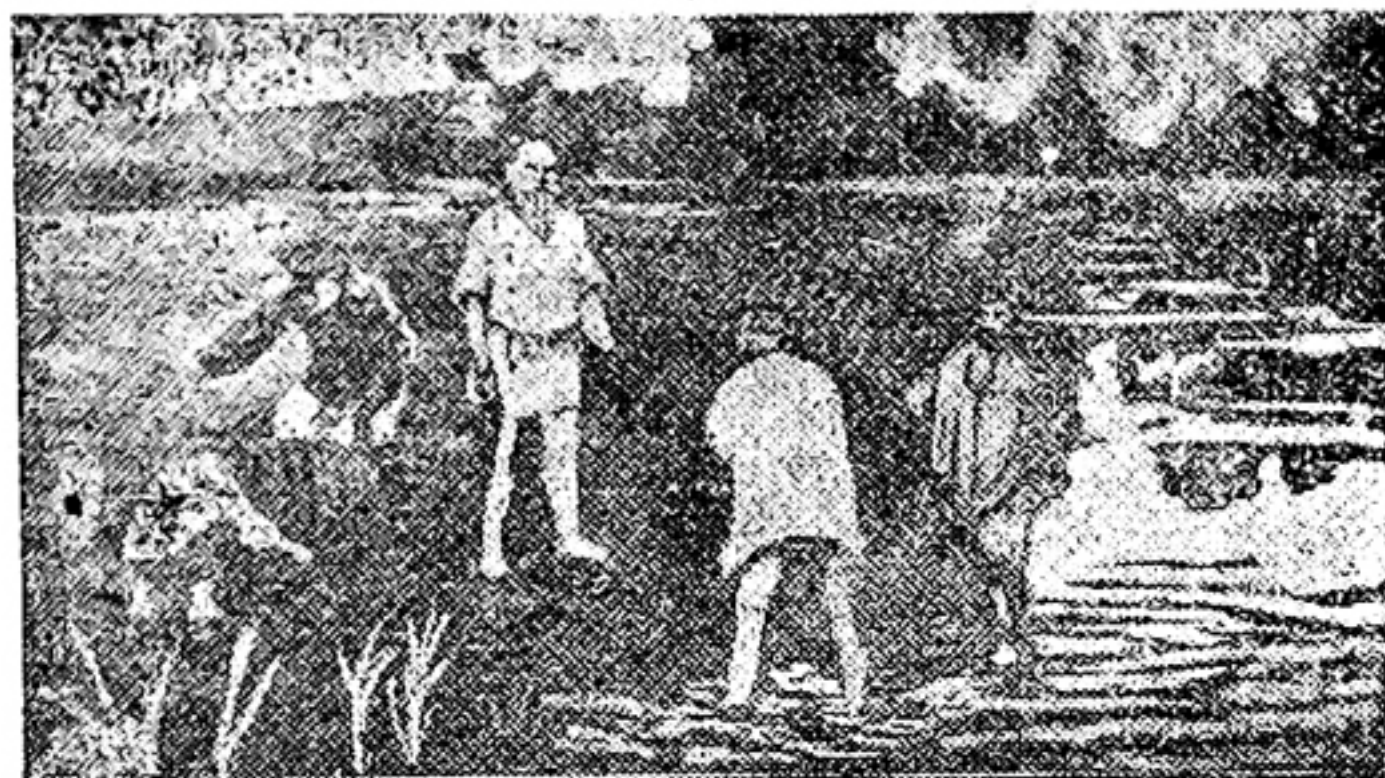

Участники рыбной ловли: гр. Толстой, Чеховъ и Рѣпинъ. (Таганр. город. музей).

Карикатура. (Таганр. город. музей).

ВЪ ТОНѢ „ЛА“

Письма Чехова.

Какъ люблю я эти три компакт-ныхъ томика, въ скромной, сѣрой оберткѣ!

Какъ хорошо бываетъ открыть ихъ на первой попавшейся страницѣ, и читать съ первой попавшейся строки. Отдѣльная фраза, слово, сравненіе изъ этихъ удивительныхъ писемъ способны доставить вамъ радости на цѣлый день.

Ходишь и улыбаешься.

Васъ спросятъ:

— Почему вы такой?

Отвѣчайте откровенно:

— Письма Чехова...

Васъ поймутъ:

— А, письма Чехова! Конечно...

И тоже улыбнутся—свѣтло и нѣжно.

Есть въ письмахъ Чехова одно, присланное брату съ хутора на рѣкѣ Пселѣ.

Очень серьезное и дѣловое. Въ немъ говорится о „Мужикахъ“, отправленныхъ Гольцеву, о гонора-рахъ, авансахъ и о всякихъ хозяй-ственныхъ порученіяхъ. Мимолетно проскальзываетъ фраза:

— Пселъ величественно широкъ.

И оканчивается это письмо за-мѣткой:

— Купи мнѣ струну въ тонѣ „ла“.

Точно электрическая искра меня пронизала. Въ тотъ вечеръ, какъ всегда, когда я доставалъ письма Чехова, я зналъ заранее, что меня ждетъ большая радость. Но такого великолѣпія я ожидать не могъ.

Я опустил книгу и долго по-вторялъ:

— Въ тонѣ „ла“, въ тонѣ „ла“... Господи, какая прелесть!

Я даже увѣренъ, что никакой струны Чехову не было нужно. А просто Пселъ былъ величественно широкъ, надъ нимъ гнулись зеле-ные косогоры, чертили воздухъ стрижи. И соловей пѣлъ по но-чамъ.

— Въ тонѣ „ла“. Пришли мнѣ струну въ тонѣ „ла“.

Никакихъ, обычныхъ въ такихъ случаяхъ лирическихъ изліяній, на-бившихъ оскомину. Прозвучала одинокая, нѣжная и чистая, какъ вечерній воздухъ, струна.

Виновать ли я, что теперь буду слышать этотъ прозрачный звонъ каждый разъ, какъ только разго-воръ коснется Чехова?

Знаете ли вы, что такое этотъ канальскій тонъ „ла“?

Это—Бронныя или Козиха, гдѣ въ Татьянину ночь прогуливается самъ святой Василий, съ золотой головой.

Студенческіе кварталы. „Гиршъ“, —каменные коробки и до сихъ поръ сплошь населены студентами.

И сколько разъ, проходя вече-ромъ по этимъ кварталамъ, я слы-шалъ изъ открытыхъ оконъ звуки потертыхъ добрыхъ студенческихъ гитаръ, настраиваемыхъ въ тонѣ „ла“.

Обратимся къ Чехову. Этотъ-же самый тонъ звучалъ и въ разска-зикахъ Антоши Чехонте, русаго па-ренька, милаго студентика,—по опредѣленію его перваго редакто-ра Левинскаго изъ „Будильника“.

Струна „ла“ слышалась и у Ан-тона Чехова, молодого беллетриста,

помѣстившаго у Куманина въ „Ар-тистѣ“ первые свои „настоященскіе“ рассказы.

Вы скажете:

— Это преувеличеніе! Это узость!..

Съ точки зрѣнія серьезной кри-тики—очень можетъ быть. Но что мнѣ дѣлать, если самъ Чеховъ далъ мнѣ эту чудесную фразу и если она для меня теперь неразрывна съ Чеховымъ.

Я не собираюсь писать изслѣдо-ванія. Эта струна, тонкая, острая и блестящая для меня дороже всѣхъ академическихъ монографій, всѣхъ товарищескихъ воспоминаній.

За Антономъ Чеховымъ явился „А. П. Чеховъ“.

Новый редакторъ—Викторъ Голь-цевъ, „Степь“, купленная для „Рус-ской Мысли“, купленная на корню, какъ у признаннаго большого писа-теля, которому можно вѣрить, что онъ пустяковъ не напишетъ.

А. П. Чеховъ ѣдетъ на Сахалинъ, —пожалуй, дѣйствительно, для то-го, чтобы упрочить это, осѣнившее его, радикальное признаніе.

Не Пселъ, широкій и ласковый, а Иртышъ, который „стучитъ“ по гробамъ.

Въ письмѣ къ роднымъ Чеховъ изображаетъ публику, окружавшую его на пароходѣ. Это были пону-рые мужики, жавшіеся какъ стадо. И былъ одинъ китаецъ Сонъ-Люли.

Онъ сѣлъ на кормѣ, вынулъ изъ-за пояса бумажный вѣеръ, раск-рылъ и началъ пѣть.

А ноты были у него написаны на вѣерѣ.

Несомнѣнно, въ числѣ этихъ нотъ было и „ла“, свѣтлое и бо-дрое, пронзившее всю жизнь пѣвца нашего безвременья.

Чеховъ умиленно слушалъ китай-ца Сонъ-Люли.

И еще. Чеховъ, уже Антонъ Пав-ловичъ Чеховъ, лучшая уже осуще-ствленная надежда нашей литера-туры, больной и усталый пріѣхалъ въ Москву. На другой день долж-но было состояться его юбилейное чествованіе.

Онъ отправился бродить по ули-цамъ, по знакомымъ мѣстамъ. И ходилъ всю ночь. „Въ голову лѣз-ли разныя студенческія мысли“.

Въ концѣ-концовъ, изнемогая отъ этихъ мыслей и одиночества, онъ завернулъ въ веселый домъ.

Тамъ спросилъ пива, наткнулся на студента и битыхъ два часа препирался съ нимъ о философіи Канта.

Какъ хотите, но и здѣсь звучитъ тотъ-же самый тонъ „ла“...

Чеховскіе тона... Этимъ словамъ тридаютъ опредѣленное специфи-ческое значеніе, и я даже знавалъ похороннаго репортера, который всѣ свои замѣтки строчилъ не иначе, какъ въ чеховскихъ тонахъ. Но мнѣ кажется, что истиннымъ, доминирующимъ тономъ у Чехова былъ одинъ:

— Струна въ тонѣ „ла“.
Думать иначе я не могу.

Жакассъ